

„ДЕЛО НАМИ ВЕДЕТСЯ СОВЕРШЕННО ОТКРЫТО“

Эти слова взяты нами из Протокола собрания членов РСДРП (б), обсудивших вопрос о способах возвращения социалистов из Швейцарии в Россию.

Идея о немедленном возвращении эмигрантов на родину естественно возникла сразу после свержения династии Романовых. Поиски путей на родину велись всеми эмигрантами, независимо от политической принадлежности. Когда стало ясно, что руководители Антанты в своих корыстных интересах „отправили в Россию Плеханова с сорока его сотрудниками — на крейсере в сопровождении миноносцев, пытаясь в то же время всеми мерами воспрепятствовать приезду интернационалистов”¹, большевики ухватились за план Мартова о возвращении в Россию через Германию и довели его до конца. Причем это дело „велось совершенно открыто”. Большевики, решившиеся ехать через воевавшую с Россией Германию, прекрасно понимали, что империалистическая буржуазия воспользуется этим их шагом, чтобы изобразить их шпионами, изменниками, агентами Вильгельма и т. п. Еще до выступления В. И. Ленина с Апрельскими тезисами, а после этого особенно, буржуазия на место идейной борьбы поставила клевету и инсинуации, пользуясь грязными источниками и выдумками по поводу возвращения вождя большевиков. Противники российской революции, большевиков нагородили горы небьлиц. К тому же эти небьлицы и легенды пытаются оживить и поныне. Именно поэтому приходится возвращаться к вполне ясному и историей решенному вопросу.

Этой цели служит и предлагаемый читателю документальный сборник о возвращении В. И. Ленина в Россию в марте — апреле 1917 года. Хотя помещенные в нем источники односторонни, а комментарии В. Хальвега не всегда учитывают документы и факты, раскрывающие все перипетии, связанные

¹ Платтен Фриц. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. — М., 1925. — С. 14.

с проездом В. И. Ленина через Германию, они, несомненно, помогут пониманию позиции германских властей в отношении российской революции и их попыток использовать русских эмигрантов в своих целях.

Документы Министерства иностранных дел и других ведомств кайзеровской Германии, подобранные и прокомментированные Вернером Хальвегом, характеризуют всю историю возвращения В. И. Ленина и ехавшей с ним группы эмигрантов через Германию в Россию через призму интересов немецких властей, заинтересованных в тот момент в сепаратном мире с Россией в целях военной победы над странами Антанты или, по крайней мере, достижения более выгодных условий мира с ней. Но эти документы, если их читать не предвзято, дают довольно четкую картину организации и самого переезда через Германию, или, как выражается В. Хальвег, по ним можно представить „подоплеку обстоятельств поездки Ленина” (с. 6). Правда, составитель сборника и автор введения к нему нередко повторяет необоснованные стереотипные утверждения Г. Каткова и некоторых других западных исследователей о якобы „финансовой помощи” германских властей большевикам, но все же реальные факты, почерпнутые из документов, помогают ему чаще всего находить верное объяснение историческим событиям. К числу стереотипов по поводу взаимоотношений российских социал-демократов и их проезда через Германию следовало бы отнести также мифы о стремлении русских революционных эмигрантов „к более тесному сближению” с кайзеровской Германией (с. 10), о борьбе Ленина против „создания легальной рабочей партии в России после свержения самодержавия” (с. 13), о встрече В. И. Ленина с А. Гельфандом (Парвусом) (с. 14) и об особой роли последнего в организации проезда эмигрантов через Германию. Все эти неточности, к сожалению, воспроизвел, в частности, А. Солженицын в своей книге „Ленин в Цюрихе”, изданной в 1975 году в Париже. И все же Солженицын, во многом опиравшийся на публикацию В. Хальвега, был вынужден признать, что В. И. Ленин „знал свою правоту, не сбивался”, что он „сохранял главное сокровище — честь социалиста” (с. 155).

Ни одно из вышеприведенных соображений западных авторов не выдерживает критики в свете научных данных. Как можно, к примеру, говорить о „более тесном сближении” русских революционных эмигрантов с кайзеровской Германией, когда большевики, к примеру, относились к кайзеру и его правлению так же, как к царю российскому, то есть резко

негативно. Вслед за В. И. Лениным его соратник по организации проезда через Германию Г. Е. Зиновьев писал тогда: „Нет никакого сомнения: Вильгельм II — не меньший изверг, чем Николай II, свергнуть монархию Вильгельма II необходимо”². О каком сближении при таких исходных позициях большевиков может идти речь?

Не причислять же к „революционным эмигрантам” Парвуса, который был заклеен В. И. Лениным еще в 1915 году как ренегат, который «лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что „немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России”» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 82). И вполне естественно, что этот бежавший из России и разбогатевший на войне делец из кожи лез, чтобы помочь немецким властям максимально ослабить или совсем уничтожить Россию, то есть придерживался той же линии, что и германский генеральный штаб, кайзер и его свита. Германское министерство иностранных дел, куда, видимо, был вхож Парвус, решало вопрос о проезде В. И. Ленина и других интернационалистов, исходя из интересов империалистической клики Германии. Но история зло посмеялась над этими махинаторами. Их „блестящий” успех во время Бреста, когда им удалось унижить Россию, принудить ее правительство подписать кабальный мир, был зачеркнут ноябрьской революцией 1918 года в Германии. После этого, после окончания развязанной внутренней и внешней контрреволюцией гражданской войны, все эти махинаторы начали искать виновного в пропуске через Германию вождя российской революции, организатора Советского правительства. Желание ослабить своего противника путем поддержки революции обернулось для германских правящих кругов низвержением Вильгельма и крахом всех надежд на победу над Россией, на победу в войне. В. И. Ленин обратил внимание на приведенные Деникиным слова Людендорфа о его радости по поводу русской революции. „...Но я не мог предположить, — заключал Людендорф, — что она станет могилой для нашего могущества”³. Четырежды отчеркнутый и выделенный знаком NB текст характеризует, как обманулись правящие круги Германии, пропустившие Ленина и его группу в Россию в 1917 году.

Все клеветнические измышления о Ленине, о всей группе эмигрантов, ехавших с ним, были разоблачены сразу по приезде в Россию. В „Правде” и „Известиях” было опубли-

² Правда. — 1917. — 9 (22 апр.). — № 28.

³ Цит. по: Вопросы истории КПСС. — 1989. — № 12. — С. 34.

ковано сообщение, сделанное Исполнительному Комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов В. И. Лениным и Г. Е. Зиновьевым по поручению их товарищей, приехавших из Швейцарии. В нем были обнародованы данные, свидетельствовавшие о том, что никакого другого пути на родину у эмигрантов не было, что связь с немецкими властями поддерживал только Фриц Платтен, что этим властям ничего, кроме обещания „агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных”, не давалось.

Заслушав доклад приехавших А. Г. Зурабова и Г. Е. Зиновьева, Исполнительный Комитет Петроградского Совета „постановил немедленно обратиться к Временному правительству и принять меры к немедленному пропуску всех эмигрантов в Россию, независимо от их политических взглядов и отношения к войне” (Известия. — 1917. — 5 апр. — № 32). Этим постановлением Петроградский Совет признал правомерность действий В. И. Ленина и его товарищей по их проезду через Германию в Россию. С получением документов о проезде они были опубликованы. В газетах и листовках был распространен „Протокол собрания членов РСДРП, объединенный Центральным Комитетом от 8 апреля 1917 г.” (26 марта ст. ст.), в котором приведены официальные документы, свидетельствующие о всех перипетиях подготовки возвращения эмигрантов в Россию⁴. В год смерти В. И. Ленина в Ленинском сборнике II были напечатаны документы, относящиеся к тому времени (с. 376—412). Фриц Платтен, выполняя поручение В. И. Ленина, издал книгу „Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917”, в которой собрал документы и воспоминания участников проезда через Германию и прокомментировал их (на немецком языке в 1924 г. в Берлине, на русском — в 1925 г. в Москве).

В воспоминаниях о В. И. Ленине, в публикациях документов и биографических очерках о нем вопрос о возвращении вождя большевиков из эмиграции освещался неоднократно. Наиболее полный перечень фактов о возвращении В. И. Ленина и литературы по этому вопросу дан в 4-м томе Биографической хроники В. И. Ленина (с. 1—57). В начале 60-х годов появились солидные исследования, достаточно полно на основе имевшихся печатных и архивных источников осветившие проблему возвращения российских эмигрантов во гла-

⁴ См. КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. — М., 1957. — С. 44—50.

ве с В. И. Лениным из Швейцарии в Россию⁵. Исторические факты и исследования позволяют с достаточной полнотой восстановить историю переезда В. И. Ленина и его группы из Швейцарии через Германию в революционную Россию. Поскольку до сих пор не перевелись спекулянты на великом имени Ленина, представляется целесообразным вновь вернуться к событиям более чем семидесятилетней давности. На проблеме проезда В. И. Ленина через Германию в Россию в 1917 году следует остановиться подробнее и потому, что опубликованные в СССР документы и свидетельства непосредственных участников и организаторов проезда не нашли должного отражения в публикации, подготовленной Вернером Хальвегом.

Почему Ленин не поехал в Россию через Францию и Англию?

В. И. Ленин, всю свою жизнь посвятивший борьбе с самодержавием, в момент его краха, в великие дни второй народной революции, оказался вдали от родины. Естественно, что с получением первых известий о победе революции он стал рваться в Россию „из проклятого далека”, в гущу революционного народа, не только сбросившего самодержавие, но и выдвинувшего в ходе борьбы Советы рабочих и солдатских депутатов, органы власти типа Парижской Коммуны. Прочитав в Шо-де-Фоне реферат „Пойдет ли русская революция по пути Парижской Коммуны?”, В. И. Ленин просит И. Ф. Арманд в случае ее отъезда в Россию „в Англии узнать тихонечко и верно”, не мог ли он проехать таким путем. Он извещает В. А. Карпинского о плане нелегального проезда в Россию через Англию и Голландию и просит в случае согласия обдумать все практические шаги и немедленно начать подготовку к осуществлению плана проезда в Россию по документам на имя Карпинского⁶.

В поисках путей в революционную Россию В. И. Ленин перебрал, кажется, все возможные варианты, строил самые невероятные планы. Вспоминая об этом, Н. К. Крупская писала, что он не исключал даже аэроплан, „но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать

⁵ См. Евграфов В. Е. Приезд Ильича. — М., 1962; Лукашев А. В. Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. // История СССР. — 1963. — № 5. — С. 3–22; Крутикова Н. На крутом повороте. — М., 1965; Владимир Ильич Ленин. Биография. — Т. I. — Издание восьмое. — М., 1987. — С. 305–306.

⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 403–404.

вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана. Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца из нейтральной страны, лучше всего шведа: швед вызовет меньше всего подозрений. Паспорт шведа можно достать через шведских товарищей, но мешает незнание языка. Может быть, немного? но легко проговориться”⁷.

В. И. Ленин не исключал и проезда через Англию, хотя и прекрасно понимал, что ее правящие круги не заинтересованы в пропуске в союзную Россию интернационалистов, противников продолжавшейся войны. «Я уверен, — писал он 6(19) марта И. Ф. Арманд, — что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем... Поэтому я не могу двигаться лично без весьма „особых” мер»⁸. Эти меры и были предусмотрены его планом. Он писал, скорее всего, Я. С. Ганецкому: „Прошу сообщить мне по возможности подробно, во-1-х, согласно ли английское правительство пропустить в Россию меня и ряд членов нашей партии, РСДРП (Центральный Комитет), на следующих условиях: (а) швейцарский социалист Фриц Платтен получает от английского правительства право провезти через Англию любое число лиц, независимо от их политического направления и от их взглядов на войну и мир; (б) Платтен один отвечает как за состав провозимых групп, так и за порядок, получая запираемый им, Platten’ом, вагон для проезда по Англии. В этот вагон никто не может входить без согласия Платтена. Вагон этот пользуется правом экстерриториальности; (в) из гавани в Англии Платтен везет группу пароходом любой нейтральной страны, получая право известить все страны о времени отхода этого специального парохода; (г) за проезд по железной дороге Платтен платит по тарифу, по числу занятых мест; (д) английское правительство обязуется не препятствовать нанятию и отплытию специального парохода русских политических эмигрантов и не задерживать парохода в Англии, давая возможность проехать быстрейшим путем.

Во-2-х, в случае согласия, какие гарантии исполнения этих условий даст Англия и не возражает ли она против опубликования этих условий.

В случае телеграфного запроса в Лондон мы берем на себя расходы на телеграмму с оплаченным ответом”⁹.

Но вскоре выяснилось, что Англия охотно пропускает

⁷ Воспоминания о В. И. Ленине. — Т. I. — С. 434.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 404—405.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 417—418.

сторонников войны, таких как Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, Г. А. Алексинский, которым был предоставлен даже крейсер, арестовывая и задерживая интернационалистов, как было с Троцким, Мельничанским, Чудновским, Мухиным, Фишелевым и Романчуком¹⁰.

Вопрос о возвращении эмигрантов не сходил с газетных полос, особенно левых направлений. Газеты писали о препятствиях, которые чинились эмигрантам со стороны правительств Англии, Франции, России. В частности, „Правда“ сообщала: „Появляются известия, что французское и английское правительства стараются мешать возвращению в Россию наших товарищей, русских эмигрантов“¹¹. Даже генерал А. И. Деникин писал, что Ленина и его единомышленников „союзники несомненно не пропустили бы“¹².

Под могучим давлением общественного мнения Советов, рабочих и солдатских организаций Временное правительство объявило политическую амнистию, министр иностранных дел П. Н. Миллюков телеграфировал своим дипломатическим представительствам о содействии всем русским политическим эмигрантам к возвращению на родину. Но это был в отношении многих, особенно циммервальдистов, сторонников прекращения войны, лишь красивый жест. В секретной телеграмме тем же дипломатам Миллюков рекомендовал снабжать эмигрантов „установленными консульскими паспортами для въезда в Россию“, „если только лица эти не значатся в международных или наших контрольных списках“¹³. А в эти списки были включены и те, кто подозревался „в пропаганде о заключении мира“, принимал участие в Циммервальдской или Кинтальской интернационалистских конференциях и т. п.

Временное правительство, продолжавшее вместе со странами Антанты империалистическую войну, фактически составило с ними заговор о недопущении в Россию эмигрантов-интернационалистов и содействии скорейшему возвращению таких шовинистов, как Н. Д. Авксентьев, Л. Г. Дейч, Г. В. Плеханов, Б. В. Савинков, и им подобных. Английское и французское правительства, как сообщалось Временному правительству, окажут противодействие выезду пацифистов, то есть сторонников мира, „из Франции и проезду их через Англию“¹⁴.

Ныне установлено, что „Ленин и его группа безусловно про-

¹⁰ См. *Правда*. — 1917. — 9 (22 апр.). — №28.

¹¹ *Правда*. — 1917. — 19 марта (1 апр.). — № 13.

¹² Деникин А. И. *Очерки русской смуты*. — Париж, 1921. — Т. I. — Вып. 2 — С. 71.

¹³ См. *История СССР*. — 1963. — № 5. — С. 5.

¹⁴ Там же. — С. 7.

сили французские паспорта, но в выдаче таковых им было отказано”, что все попытки большевиков-эмигрантов выяснить возможность возвращения в Россию через союзные страны окончились неудачей¹⁵. У Ленина теплилась надежда найти пути на родину через Англию по крайней мере до середины марта, когда В. И. Ленин уже определенно пришел к выводу, что „Англия не пустит”. Это констатировала по приезду в Россию Н. К. Крупская, об этом вспоминал Г. Шкловский в 1926 году¹⁶. Таким образом, как документы, так и воспоминания свидетельствуют о том, что В. И. Ленин и его сторонники в полной мере изучили вопрос о возвращении в Россию через союзные страны и лишь после того, как убедились в полной невозможности осуществления плана проезда через Англию, вынуждены были начать поиски иных путей возвращения на родину. И в этом случае приходится удивляться глубочайшему ленинскому пониманию тайных пружин межгосударственного межимпериалистического механизма, обеспечивавшего подавление инакомыслия и инакомыслящих в вопросах войны и мира. Делая вывод о невозможности проезда через Англию, Ленин мог только догадываться, что существуют контрольные списки, в которые занесены все циммервальдисты, что министр иностранных дел Миллюков предписал своим полномочным представителям не выдавать паспортов на возвращение на родину интернационалистам. Для Ленина уже из печати стало ясно, что правители Англии и Франции посылают в Россию социал-патриотов, не пуская сторонников мира. Этот вывод Ленина полностью совпадал с мнением представителей всех партий, находившихся в эмиграции в Швейцарии, которые 2 апреля (20 марта) 1917 г. приняли резолюцию, где констатировалась очевидная невозможность ехать в Россию через Англию из-за противодействия со стороны английских и французских властей.

Разработка и принятие плана проезда через Германию

Не делая никаких иллюзий по поводу Англии и Франции в отношении проезда интернационалистов, В. И. Ленин интересовался и другими возможными путями на родину, но ни он, ни другие большевики не выступали с инициативой про-

¹⁵ Там же. — С. 8–9.

¹⁶ См. Солдатская правда, 1917. — 13 (26) мая; Пролетарская революция. — 1926. — № 1 (48). — С. 7.

езда через территорию Германии, понимая, что империалистическая буржуазия немедленно воспользуется этим предложением для очередной клеветнической кампании. В. И. Ленин решительно отклонил предложение Я. С. Ганецкого о получении содействия немецких социал-демократов в получении пропуска через Германию, тотчас пресек попытку воспользоваться услугами социал-шовиниста Парвуса¹⁷.

В эмигрантских кругах, в частности среди меньшевиков, возникла мысль о возможности обмена русских эмигрантов на немецких военнопленных в России. Один из меньшевистских лидеров, Л. Мартов, выдвинул в самой общей форме план проезда эмигрантов через Германию в нейтральный Стокгольм. Этот план на совещании социалистов-циммервальдистов был признан целесообразным. Председателю интернациональной социалистической комиссии Р. Гримму было поручено прозондировать почву по поводу реализации этого плана. Гримму удалось договориться с руководителем Политического департамента Швейцарии Гофманом (фактически выполнявшего функции министра иностранных дел), чтобы тот в качестве частного лица принял посредничество и добился принципиального согласия правительства Германии. После того, как Гофман договорился в принципе с немцами о свободе проезда эмигрантов независимо от их политических направлений, от отношения к вопросу о „защите отечества”, о продолжении войны Россией или заключении ею мира и т. д., Мартов и некоторые представители других фракций отказались от своих же предложений, мотивируя это тем, что надо прежде всего получить согласие от российских властей. Считая такое решение Мартова и К^о в величайшей степени ошибочным и приносящим глубочайший вред революционному движению в России, Заграничная большевистская коллегия ЦК РСДРП постановила принять предложение Р. Гримма, поскольку при сложившейся ситуации это единственный путь для возвращения на родину, а поэтому необходимо известить всех членов партии большевиков о принятии предложения и о немедленном отъезде, пригласить их принимать записи от всех желающих ехать. Постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП(б) было сообщено представителям других направлений.

После принятия четкого решения Заграничной коллегии ЦК РСДРП(б) Р. Гримм выступил с опровержением. Меньшевики, эсеры и бундовцы начали склоку, считая, что план

¹⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 49. — С. 417, 418.

поезда через Германию может быть осуществлен, если будет получена санкция из Петрограда, то есть фактически они предлагали отложить осуществление плана на неопределенное время. В течение двух недель в Женеве, Лозанне и других городах Швейцарии целыми сутками велись дискуссии, шла борьба между сторонниками и противниками проезда через Германию. Н. К. Крупская писала по этому поводу: „...меньшевики и с.-р. подняли отчаянную склоку. Собственно говоря, никто не говорит, что принципиально не считает возможным ехать через Германию; на это храбрости хватит только у патриотов, но боятся патриотического настроения, боятся, что масса не поймет мотивов, будет считать изменниками и пр.”¹⁸. Ныне в свете исторических фактов, извлеченных историками из газет, журналов, архивов, в свете воспоминаний современников ясно, как радушно рабочие и солдаты России приняли своего вождя, отбросив клеветнические наветы на него буржуазии. А вот как сам В. И. Ленин, по свидетельству А. В. Луначарского, ответил с усмешкой на лице на доводы своих оппонентов, что рабочие не поймут доводов использовать какую угодно дорогу, для того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции: „Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые, испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это курам на смех”¹⁹.

Дискуссии с меньшевиками, эсерами и бундовцами, объяснения с Р. Гриммом, фактически солидаризировавшимся с ними, закончились тем, что большевикам пришлось отказаться от его услуг, хотя он и выразил согласие по-прежнему посредничать в деле организации проезда решивших ехать немедленно эмигрантов. Дальнейшие события полностью подтвердили верность этого решения.

Организаторы проезда русских эмигрантов попросили довести дело до конца Фрица Платтена, который энергично взялся за осуществление плана возвращения в Россию. 21 марта (3 апреля) на приеме у германского посланника в Берне барона фон Ромберга им было получено согласие на пропуск эмигрантов через Германию независимо от их партийной принадлежности. Пропуская русских интернационалистов в Россию, германские империалисты, естественно, рассчитывали,

¹⁸ Ленинский сборник. — XIII. — С. 271.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 492; Красная газета. — 1926. — 16 апр. — № 87.

что этот акт поможет им прежде всего ослабить Россию и добиться выгодного для себя сепаратного мира с ней. Но эти расчеты были недальновидными. Оказавшись в нейтральной стране — Швеции, В. И. Ленин, по воспоминаниям Ф. Стрёма, заявил, что, вполне естественно, правительство Германии, разрешая проезд интернационалистов, „спекулировало на нашей оппозиции буржуазной революции, но этим надеждам не суждено оправдаться. Большевистское руководство революцией будет гораздо опаснее для немецкой императорской власти и капитализма, чем руководство революцией Керенского и Милюкова”²⁰. Истинные цели и все мытарства большевиков по организации проезда на родину через Германию были поняты и оценены западноевропейскими социалистами-интернационалистами, которые одобрили Протокол собрания членов РСДРП(б) о способах возвращения социалистов в Россию и выступили со специальным „Заявлением” для печати. В нем говорилось, что подписавшим это „Заявление” известны условия, на которых немецкое правительство разрешило проезд в Швецию, что оно при этом лишь спекулирует на усилении антивоенных тенденций в России. Западноевропейские интернационалисты ни минуты не сомневались, что русские интернационалисты едут в Россию затем, чтобы служить там делу революции, содействовать тому, чтобы и пролетарии всех стран, особенно рабочий класс Германии и Австрии, поднялись на революционную борьбу против своих правительств. Предвидение лучших представителей социал-демократии Европы полностью оправдалось. Подготовленный большевиками Великий Октябрь стал прологом революций 1918 года в Германии и Австро-Венгрии, покончивших с империалистическими империями в этих странах. Людендорф с запозданием в своих воспоминаниях сожалел, что правительство Вильгельма II не учло последствий пропуска большевиков в Россию и их деятельности на родине.

По поводу решения большевиков о проезде через Германию в „Заявлении” сказано: „...мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии, полагаем, что наши русские единомышленники не только вправе, но и обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию”²¹. Под документом 7 апреля (25 марта) стояли подписи П. Гарштейна (Германия), Анри Гильбо,

²⁰ Цит. по: История СССР. — 1963. — № 5. — С. 16.

²¹ КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. — М., 1957. — С. 50.

Ф. Лорио (Франция), М. Г. Бронского (Польша), Ф. Платтена (Швейцария). Протокол одобрили также по приезде эмигрантов в Стокгольм интернационалисты: Норвегии — А. Г. Хансен, Швеции — К. Линдхаген, Ф. Стрём, К. Н. Карлсон, К. Чильбаум, Т. Нерман.

Перед отъездом из Швейцарии Ленин написал „Прощальное письмо к швейцарским рабочим“, которое 26 марта (8 апреля) было обсуждено и принято на собрании отъезжавших в Россию большевиков. В письме выражалась глубокая благодарность революционным рабочим Швейцарии, с которыми большевики работали многие годы. В нем подробно излагались стоящие перед российской революцией, перед революционными социал-демократами задачи. Эти же задачи В. И. Лениным были разъяснены в листовке „Товарищам, томящимся в плену“ двум миллионам военнопленных в Германии и Австрии.

Из Берна через Германию в Стокгольм

Ф. Платтен, приняв предложение большевиков об организации их переезда через Германию, 3 апреля (25 марта) обратился к германскому послу и представил ему следующие письменные условия:

„1) Я, Фриц Платтен, беру под свою полную и непрерывную личную ответственность вагон с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими проехать в Россию через Германию.

2) С немецкими властями сносятся исключительно Платтен, без разрешения которого никто не может проникнуть в запертый за все время путешествия вагон. Вагону присваивается право экстерриториальности.

3) Проверки бумаг или лиц ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должно быть.

4) В вагон допускаются лица абсолютно без всякого различия их политического направления и их отношения к вопросам войны и мира.

5) Всем едущим выдает билеты Платтен по нормальному тарифу.

6) Насколько возможно, проезд должен произойти без перерыва, прямым сообщением. Без технической необходимости перерыва в путешествии не может быть. Выходить из

вагона нельзя ни по чьему-либо приказанию, ни по собственной инициативе.

7) Разрешение на проезд дается на основе обмена едущих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России.

8) Посредствующее лицо и едущие принимают на себя обязательство действовать в обществе и особенно среди рабочих в том направлении, чтобы этот постулат был осуществлен.

9) По возможности ближайший срок отъезда от швейцарской границы до шведской, а также технические подробности (багаж и пр.) устанавливаются немедленно²².

Через два дня Платтен получил ответ с извещением, что его условия приняты, о чем было доложено отъезжавшим, которые своей личной подписью удостоверили, что им сообщены результаты переговоров Платтена с германским посольством, что им известны угрозы Временного правительства, что они во время поездки полностью подчиняются всем распоряжениям руководителя поездки Платтена.

Отъезжавшие собрались на вокзале в Берне, первая остановка была в Цюрихе, где проводы оказались многолюдными, оживленными. В толпе провожавших оказались и противники проезда через Германию — меньшевики, эсеры и социал-патриоты, которые неодобрительными выкриками пытались отравить радость уезжавших на родину (см. док. № 57). Им было невдомек, что вскоре и они сами вернутся в Россию проложенным Лениным путем, притом на тех же условиях, которые вырабатывались для первой группы участников проезда через враждебную Германию. 30 апреля (12 мая) тем же путем выехала вторая группа политических эмигрантов (257 человек) в сопровождении Г. Фогеля, а 17 (30) июня — третья в сопровождении О. Ланга²³. В связи с возвращением второй группы эмигрантов В. И. Ленин писал: „Во вторник 9 мая из Швейцарии приехало свыше 200 эмигрантов, проехавших через Германию, в том числе вождь меньшевиков Мартов, вождь социалистов-революционеров Натансон и др. Этот проезд еще и еще раз доказал, что из Швейцарии нет другого надежного пути, кроме как через Германию²⁴. Меншеви-

²² КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. — М., 1957. — С. 48. См. док. № 43 наст. сборника. Переводы не идентичны.

²³ См. Крутиков Н. На крутом повороте. — М., 1965. — С. 66.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. — С. 73.

ки одобрили проезд своих лидеров Аксельрода, Мартова, Мартынова через Германию и признали своим долгом „всемерно бороться против всяких клеветнических наветов на этих товарищей за проезд через Германию”²⁵.

В первой группе эмигрантов, возвращавшихся на родину через Германию, из 32 человек было 19 большевиков (В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Г. Е. Зиновьев, И. Ф. Арманд, Д. С. Сулиашвили, М. Цхакая, Г. А. Усиевич и др.), 6 бундовцев, 3 сторонника парижской интернациональной газеты „Наше слово”. С большим трудом отъезжавшие собрали деньги на проезд. Ф. Платтен потом вспоминал: „Денег, — в которых мы, как о том клеветали враги, утопали, — мы совершенно не имели. В последнюю минуту мы не сумели бы выкупить съестные припасы, если бы правление швейцарской партии не открыло нам кредита на 3000 фр. под поручительство Ланга и Платтена”²⁶. Лишь помощь швейцарских и шведских социалистов да скромная сумма, присланная ЦК РСДРП (б), дали возможность обеспечить материально проезд российских эмигрантов на родину.

Как свидетельствуют воспоминания Ф. Платтена, Н. К. Крупской, М. Цхакая и других участников проезда через Германию, немецкие власти точно выполнили принятые ими условия.

На германской пограничной станции Готмадинген русским революционерам был предоставлен вагон, три двери которого были запломбированы, четвертая, задняя дверь, оставалась открытой. Ближайшее к ней купе заняли два офицера — уполномоченные германского военного командования. На полу коридора мелом была отмечена граница между российскими революционерами и германскими офицерами. Никто, кроме Фрица Платтена, сопровождавшего русских эмигрантов, не имел права переходить меловую черту без согласия русских пассажиров.

В Зингене, у швейцарской границы, к поезду вышел член Генеральной комиссии германских профсоюзов В. Янсон, который попытался вступить в разговор с русскими политическими деятелями. Но Платтен отказал ему, сделав дружеский намек на то, что хочет избавить Янсона от неприятностей, которые у него могут быть²⁷.

Немецким газетам было строго запрещено сообщать что-

²⁵ Цит. по: История СССР. — 1963. — № 5. — С. 21.

²⁶ Платтен Фриц. Ленин из эмиграции в Россию. Карт 1917. — М., 1925. — С. 42.

²⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. — Т. 4. — Март — октябрь 1917 г. — 1973. — С. 46.

либо о проезде русских эмигрантов, пока те не покинут территории Германии. Немецкие власти боялись, что такие сообщения приведут к манифестациям — к открытому проявлению симпатий населения Германии к русским революционерам.

12 апреля поезд русских политических эмигрантов достиг в Заснице побережья Балтийского моря. Из вагона по трапу пассажиры перебрались на шведский рейсовый паром-пароход, который и переправил их через усеянное минами море в шведский городок Треллеборг, где они были встречены польским социал-демократом Я. С. Ганецким и шведским журналистом Отто Гримлундом. Из Треллеборга они уже на поезде прибыли в столицу Швеции Стокгольм.

В Стокгольме Ленин и его товарищи были радушно и тепло приняты не только большевиками-эмигрантами, но и шведскими левыми социал-демократами. День пребывания в Стокгольме был заполнен до отказа. Ленин дает интервью корреспонденту „Politiken” о проезде, организует здесь Заграничное представительство (бюро) ЦК РСДРП, участвует в совещании шведских социал-демократов интернационалистов, присутствует на банкете, устроенном шведскими товарищами в честь прибывших эмигрантов, беседует с Ф. Стрёмом о предстоящей социалистической революции в России и перспективах мирового революционного движения, о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата и по другим важным вопросам.

Горячо поблагодарив шведских товарищей за радужную встречу и большое внимание, Ленин и его товарищи выехали 13 апреля из Стокгольма и через два дня были на пограничной станции Торнео. Их неожиданно быстрое появление у порога страны, охваченной революцией, на границе Финляндии, тогда входившей в состав России, обеспокоило агентов Антанты. Не скрывая своей злобы, английские офицеры, хозяйничавшие на шведско-финляндской границе, отвели душу тем, что подвергли Ленина обыску в отдельной комнате.

Как свидетельствуют факты, никакие препятствия, воздвигаемые английскими, французскими и русскими правящими кругами, не удержали вождя российской революции вдали от революционной России. Но сразу же по приезде в Петроград все шовинисты и „оборонцы” начали бешеную агитацию против В. И. Ленина и всех вернувшихся после длительной эмиграции на родину, „пустив в ход гнуснейшую клевету о германских шпионах” (Н. Крупская). ЦК и ПК РСДРП (б) листовкой обратились ко всем гражданам с разоблачением клеветнических обвинений Ленина и возглавляемой им „Прав-

ды”, потребовали „уважения к постановлению Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, который выслушал доклад эмигрантов и не нашел в их поведении ничего неправильного”²⁸. В другом воззвании ЦК и ПК РСДРП (б) — „Против погромщиков” — были разоблачены буржуазные газеты „Русская воля”, „Речь”, плехановское „Единство”, которые не перепечатали ни доклада эмигрантов, ни постановления Исполкома Совета. Но несмотря на эту кампанию контрреволюционных сил против Ленина, его сторонников, его партии, российский рабочий класс, а следом за ним трудящиеся массы России поддержали ленинскую платформу борьбы за социалистическую революцию, нередко встречали смехом рассказы о „связях Ленина с немецким генеральным штабом”, о его „измене родине” и т. д. и т. п. Они приветствовали Ленина как „идейного вождя российских рабочих”, „старого деятеля и неутомимого борца за социализм”, „передового борца рабочего класса”, „одного из лучших сынов России”²⁹.

Мы привели немало документов, фактов, воспоминаний не только в познавательных целях, не только, чтобы реально себе представить героический подвиг Владимира Ильича в ходе подготовки и осуществления нелегкого его возвращения из эмиграции в Россию. Это нам приходится делать, чтобы еще раз показать позорную роль современных клеветников, идущих по пути канувших в лету российских контрреволюционеров. Различного рода измышления современных ненавистников Великого Октября, по существу, во многом схожи с походом промонархистских, буржуазных и мелкобуржуазных сил против Ленина в 1917 году. Публикуемые в сборнике документы станут важным подспорьем в выяснении реальных фактов истории возвращения В. И. Ленина на родину в 1917 году.

Очень полезно, что редакция сопровождает издание приложением работ В. И. Ленина, относящихся к тому времени, другими публикациями очевидцев и библиографическим указателем. Это поможет читателю более глубоко понять события, отраженные в публикации В. Хальвега.

Доктор исторических наук А. М. Совокин

²⁸ КПСС в борьбе за победу социалистической революции. — С. 52—53.

²⁹ См. Биграфическая хроника. — Т. 4. — С. 69, 70, 72, 74.